

Я поднял голову и улыбнулся так, что глаза превратились в узкие щелочки:

— Брат, пошли, уже довольно поздно.

Цзан Гуаньмо оттолкнул Майю, перестал танцевать и бросил мне:

— Пойдем, я отвезу тебя домой.

Мы шли долго, пока наконец не нашли его тяжелый байк. Я надел шлем, запрыгнул на сиденье, а Цзан Гуаньмо не спешил заводить мотор: выудил из кармана сигарету и закурил.

— Поменьше бы ты курил. Сколько тебе лет, а уже как паровоз, — пробурчал я себе под нос.

— Я же не затягиваюсь, — он выпустил кольцо дыма, протянул руку и снял с меня шлем. В лунном свете он внимательно, с какой-то тяжестью в глазах, смотрел на мое лицо. Я в ответ лишь глупо улыбался. Он с сожалением коснулся моей шеи, в его взгляде читалось раскаяние.

— Прощаю. Считаю, что того, что было днем, не происходило.

— ...Так ты не передумал? — он указал на мою грудь, где билось сердце.

— ...

— Спрашиваю, не передумал? — настаивал он.

— Посмотрим. Как будет настроение, — я натянул шлем обратно и снова буркнул это в подкладку.

Он выбросил сигарету на землю. Окурок был длинным, почти целым, но под его подошвой превратился в крошево. Цзан Гуаньмо сел на байк и дернул меня за руку, заставляя обхватить его за пояс.

— Не надо, я не рискну. У тебя там что за поясница? Из золота? Одно прикосновение — и посыплется золотая пыль, всё разлетится вдребезги.

— Сказал держать — держи, хватит молоть чепуху! — рявкнул он и ударил по газам. Мы сорвались с места, рассекая ветер.

Я понял, что бег на длинные дистанции — отличная вещь.

Пот стекает по коже, навстречу дует обжигающий горячий ветер, грудь словно сдавило свинцовой плитой — не вздохнуть? Нет, ты можешь, стисни зубы — и все пройдет. Сердце болит? Возможно. Будь как ходячий мертвец, стань трупом, который просто продолжает бежать: раз, два, три, четыре, пять секунд, шесть секунд, а потом пять минут, шесть минут... Главное — продолжай быть тем самым бегущим мертвецом. Боль притупится, ты все еще жив. Где предел? Бегущий труп давно уже растоптал его, обернулся, посмотрел на его жалкую серую тень и посмеялся.

Я бегаю каждый день. Каждый день вижу конец дистанции. Каждый день выхожу за его пределы.

Скоро стану Форрестом Гампом.

Секси приходил посмотреть один раз. Я закончил дистанцию, едва не выплюнув легкие. На самом деле, я прекрасно понимал, какие счета у этого старого лиса — выносливость второстепенна, он целился в мою волю. Я не такой, как остальные, я новичок, мне легко сдаться.

Цзан Гуаньмо после своих занятий прибежал на стадион, приносил два напитка. Я говорил ему: «Не приходи больше, хочу побыть в тишине», он лишь усмехался, пропуская мои слова мимо ушей, но спорить не лез. С того дня мы стали очень вежливы друг с другом. Взаимопонимание никуда не делось, но, возможно, мы оба устали и попрятались в свои раковины, лишь изредка поглядывая на другого в ожидании знака. Мы оба трусы: лучше верить, что, отступив на шаг, обретешь простор.

Каждый день он приходил, а Юаньбао сидел у него на плече, с важным видом озираясь по сторонам. Толстый, круглый, ребята скинулись и сшили ему комбинезон — в этой обновке мелочь выглядела до неприличия вызывающе. Эти двое всегда появлялись в самый ответственный момент: когда у меня подкашивались ноги и я был готов все бросить, я видел издали эту парочку, большую и маленькую, — черт возьми, будто коллекторы пришли за долгами. И я срывался на бег, быстрее некуда.

Пока я бегал, Цзан Гуаньмо учил Юаньбао играть в «камень-ножницы-бумага». Если тот проигрывал, ему рисовали черточки на мордочке. Юаньбао был неуклюжим, постоянно проигрывал и от обиды начинал плакать — черточки расплывались, превращаясь в усы. Прожив со мной столько времени, он стал ужасным модником, постоянно теребил лапками комбинезон, пытаясь стереть следы с лица. У меня сердце кровью обливалось — я ведь ради этого комбинезона все пальцы исколол, Линь И не даст соврать.

Экзамены назначили на следующий понедельник. Кого оставить, а кого выгнать — все зависело от одного решения руководства агентства. В воскресенье все были на расслабоне: что будет, то будет, за один день уровень культивации в разы не поднимешь. Отоспались, поиграли в карты, полдня слонялись без дела.

После обеда я переоделся в спортивные штаны и пошел на стадион. Цзан Гуаньмо так удивился, что вытянул шею, как гусь:

— Цзяо Цзяо, ты такой упорный? Бегаешь даже сегодня?

Я не ответил, а этот болтун принялся крутиться рядом.

— Да ты надоел! Пошли вместе бегать, посоревнуемся.

— Хэй, — стоило ему услышать это, как он тут же завелся, сорвал майку, — а что на кону?

— Поцелуй, — я глупо хихикнул. Юаньбао рядом тоже глупо захихикал.

— Мечтай больше. — Цзан Гуаньмо щелкнул меня по лбу и согнулся от смеха. — Думаешь, я не знаю твоих фокусов? Хочешь обманом заставить меня целовать твоего сына? Не выйдет.

Юаньбао понуро опустил голову и принялся грызть собственную лапу.

— Тогда говори, что на кону.

— Деньги. Сколько налички есть — все отдашь. — Он потряс кошельком, толстым от купюр. Я, не говоря ни слова, рванул вперед. В глазах кровь, я решил — пан или пропал.

Этот подлец применил грязный прием!

Пробежав меньше двух километров, я все время держался чуть позади. На последнем круге я собрался с силами для рывка, хотел застать его врасплох, но стоило мне ускориться, как этот иностранец внезапно притормозил, поравнялся со мной и тихо сказал: «Цзяо Цзяо, я забыл сказать, мы бежим три тысячи метров. Две тысячи — несерьезно».

Да пошел ты, ты же просто грабишь меня средь бела дня!

Стоило мне расслабиться — не то что три, я и две тысячи добежать не мог. Ярость клокотала внутри, я наблюдал, как враг пересекает финишную черту. Больше не бегу. Черт возьми, ты жулик, плевать, кто там что думает. Я замедлил шаг, волоча ноги, собираясь сдаться.

А этот дурень Цзан Гуаньмо, уже финишировав, торжествовал. Оглянулся, увидел мой жалкий вид и во всю глотку принялся сыпать соль на рану:

— Цзяо Цзяо, давай же!

Он там орал не умолкая. Я просто остановился. Сегодня начал слишком резко, в груди жутко давило, бежать совершенно не хотелось. Взгляд Цзан Гуаньмо постепенно становился серьезнее, даже на таком расстоянии я видел, как он плотно сжал губы. Черт, как же я жалею, что поспорил, что вообще затеял этот бег! Сейчас у него проснется его ослиное упрямство, и

мне точно конец.

Он молчал на том конце.

— ...Цзяо Цзяо, ты еще не сдался? — я засомневался.

— ...Не передумал?

Я сделал еще один шаг.

— ...Давай пробежим вместе. Посоревнуемся.

— Это очень тяжело.

— Зато мы вместе.

Осталось двести метров, сто.

Цзан Гуаньмо приближался, все быстрее и быстрее.

В конце концов, я снова побежал.

Цзан Гуаньмо улыбался — без тени усмешки, искренне, глазами.

Я пересек финишную черту, и он крепко схватил меня за плечи.

Солнце палило в зените.

— Молодец, — он был возбужден донельзя, растрепал мне все волосы, — награждаю тебя. Чего хочешь?

Я долго дышал, пытаюсь прийти в себя, а когда успокоился, указал на его грудь.

Он опешил:

— Чего тебе? Говори яснее.

— Хе-хе, — я глупо улыбался, слюни едва не текли, одурманенный, я потянулся к его шее и дернул за кожаный шнурок. Там на нем висело шикарное серебряное кольцо — невероятно красивое, стильное, и оно должно было принадлежать мне. — Хе-хе, брат, верни его мне.

У него дыхание перехватило:

— Что значит «верни»? Когда оно успело стать твоим? — он замялся. — Цзяо Цзяо, отдать тебе шнурок — без проблем, но вот кольцо... — он запнулся, — не могу.

— Да пошел ты, жулик. — Я отвернулся и сплюнул на землю.

— Эй, послушай, — он засуетился, — это кольцо очень важно, это от того, кто раньше...

— Мне плевать. — Хочешь отдавай, хочешь нет. — Тогда деньгами. Ты должен мне полторы тысячи. В юанях.

— ...Ты бандит. Это же ты проиграл.

— Мы договаривались, что проигравший платит? — я прищурился.

— Ты вообще имеешь хоть каплю совести?

— Видел когда-нибудь совестливого бандита? Познакомь, посмотрю.

После ужина ребята начали решать, где бы расслабиться.

Фэн Суй уже давно проявлял любопытство к Ладжорсу, все ныл, что хочет сходить посмотреть, что же это за «пещера пауков», в которой сидят такие прекрасные демоницы, что нас постоянно туда тянет. Цзан Гуаньмо легко согласился: «Решено, идем сегодня вечером. Гуляем на все, я угощаю».

Когда мы уже собирались выходить, Люй Цю вдруг покраснел, пошатнулся и, не удержавшись за дверной проем, рухнул на Цзинь Ли. Тот, хоть и был темной личностью, все же имел добрую сторону — приложил ладонь ко лбу парня и воскликнул:

— Люй Цю, у тебя жар!

Секси сказал: «Тогда идите, я присмотрю за ребенком». Он нахмурился, выглядел очень недовольным, но когда забирал парня из рук Цзинь Ли, у него дрожали руки.

Юаньбао, увидев состояние Люй Цю, взвыл — от беспокойства у него даже шерсть дыбом встала, глаза налились слезами, и он намертво вцепился в ногу Секси. Я даже позавидовал: посмотрите, какая верность! Если дома у меня случался кашель или насморк, мой Техас всегда орал так радостно, что хоть святых выноси. Впрочем, неудивительно — больше-то никто не выщипывал ему шерсть.

Наша компания шумной толпой ворвалась в Ладжорс. А Ка оказался парнем понятливым, освободил самый просторный уголок, сдвинул для нас два длинных стола и заставил их закусками. Я цокнул языком: жаль, что Юаньбао не с нами, а то бы точно сошел с ума от радости и сгрыз бы все тарелки.

Фэн Суй решил во что бы то ни стало перещеголять Цзан Гуаньмо. Двое уселись в Ладжорсе, притягивая толпы девчонок, что привело Линь И в полный восторг — он даже заикаться начал, пуская слюни.

Я впервые видел методы молодого господина семьи Фэн: наполовину порочный, наполовину наивный флирт. Он отличался от Цзан Гуаньмо, в каждом его взгляде, в каждом движении бровей чувствовался умысел. «Да, я — яд, и никогда не притворялся благородным господином, так что, если умрете от любви, вините себя — нечего было ждать от меня вечной преданности». Он принадлежал к тому типу людей, с которыми лучше дружить, чем состоять в отношениях.

— Давайте сыграем в «убийцу», — в полумраке под шумную музыку Фэн Суй проорал во весь голос и вытащил колоду карт. Майя с энтузиазмом поддержала, кокетливо усевшись рядом с Цзан Гуаньмо, сияя от счастья. Я смотрел на ее щеки, густо присыпанные блестками, и думал: на самом деле девчонка довольно простая, просто слишком молода, вот и запала на этого волка Цзан Гуаньмо.

Когда карты раздали, Цзан Гуаньмо, проходя за спиной Линь И, щелкнул меня по уху:

— Цзяо Цзяо, признавайся, ты убийца?

— Я мирный житель, — сделал я самое невинное лицо.

— Не верю.

— Бриллианты, бриллианты, сияют ярко...

— Правда мирный. Если хочешь, чтобы я кого-то убил, это будет стоить дорого. — Я встал и выложил карты на стол. — Эй, неважно, кто убийца, первого убейте меня. Мне звонят.

Звонила Чжоу Ли: «Ты где? Почему так шумно?»

Я обернулся. Цзан Гуаньмо пристально смотрел на меня, и, поймав мой взгляд, усмехнулся: сложил пальцы в форме пистолета, «застрелил» меня и подул на «дуло».

— На репетиции танца, это музыка сопровождения, — я отпил из стакана и поперхнулся, — ...кхе-кхе. Нравится? Потом... кхе... покажу тебе.

— Ой, не заливай, какая это музыка сопровождения, если там есть вокал? — Чжоу Ли хмыкнула. — Врешь ты все.

— ...Ли, если однажды я действительно тебя обману, ты простишь?

— ...Ха-ха, — она сперва опешила, — ладно. Тогда и ты прости меня один раз, будем в расчете.

Я рассмеялся:

— Ты за эти дни, пока я тебя не видел, стала настоящей ведьмой.

Чжоу Ли на том конце была очень довольна, с энтузиазмом принялась рассказывать всякие бытовые мелочи, а я слушал и чувствовал давно забытое тепло.

— Цзяо Ян, давай быстрее, новая партия начинается!

Фэн Суй подбежал и дернул меня за рукав. Я беззвучно, одними губами, спросил, кто был убийцей.

— Я, — Цзан Гуаньмо подошел следом, в его голосе сквозило нетерпение, он подтолкнул меня в спину. — Можешь ты уже закончить разговор? Все тебя ждут.

Я плотно закрыл динамик телефона ладонью:

— Без меня справятся, играйте пока. Я скоро приду.

— Нет, сейчас, — Цзан Гуаньмо, приняв на грудь, вел себя совершенно бесцеремонно. Я тоже разозлился, прислонился спиной к стене, глянул на него искоса и махнул рукой, как отгоняют муху.

Цзан Гуаньмо с хлопком ударил меня по руке. Окружающие вздрогнули и начали оглядываться.

Фэн Суй выглядел растерянным:

— Вы чего? Откуда столько агрессии? — попытался сгладить углы, потянул Цзан Гуаньмо за собой. — Ладно, Цзяо Ян закончит разговор и сам подойдет. Тогда и накажем его штрафной рюмкой.

— Какой еще штрафной?! — Цзан Гуаньмо уперся, как баран, с места не сдвинуть. Он вырвался из рук Фэн Суя и выдохнул в мою сторону перегаром.

Чжоу Ли на том конце обеспокоенно спросила, что случилось. Я ответил мягко, словно мед потек:

— Родная, все хорошо. Продолжай, мне нравится тебя слушать.

Фэн Суй нахмурился и толкнул меня в спину.

— Чего ты? С женой разговариваю, тебе-то какое дело?

— Черт! — Цзан Гуаньмо оттолкнул Фэн Суя, протянул руку, прижал меня к стене, схватил за руку и заорал в телефон: — Мне плевать, кто ты такая, но знай: этот тип по фамилии Цзяо уже занят, ищи себе другого!

Он не успел доорать, как я украдкой нажал на отбой. Ярость переполняла меня. Черт возьми, даже у собаки достоинства больше, чем у меня сейчас!

— Ревнуешь? Искажаешь факты? Ты просто больной, кто-то должен был тебе это сказать.

Фэн Суй, увидев, что дело пахнет керосином, попытался встать между нами, улыбаясь: «Давайте, давайте, все моя вина, развели тут балаган, давайте каждый поумерит пыл».

Дверь открылась, вошли человек пять-шесть хулиганов. У каждого на голове черт-те что: красный, синий, зеленый, серый... Настоящие демоны. Типичная низкопробная шпана. Увидев, как мы тут выясняем отношения, они присвистнули. Желтоволосый в центре обвел взглядом зал, махнул рукой, и вся компания направилась к нашему длинному столу. Он с ухмылкой подсел к Майе, пытаясь завязать разговор.

Фэн Суй отвернулся:

— Парни, хватит. Еще немного — и станем посмешищем. Какая бы беда ни случилась, разберемся дома.

Я хмыкнул — я вообще-то не искал проблем. Гордо подняв подбородок, я пошел к барной стойке. А Ка, этот сплетник, все это время вытягивал шею, наблюдая за нами. Когда я сел, он погладил меня по голове и пододвинул напиток.

Но кто-то никак не мог успокоиться. Цзан Гуаньмо, разъяренный, поплелся за мной:

— Идем играть в «убийцу».

— Ты достал уже, — я в гневе швырнул стакан. — Не буду.

— Будешь. Все ждут, не порти людям настроение.

— Не буду, не хочу, — я уперся, — раз «убийца», значит, за деньги. Я убиваю только за деньги.

Цзан Гуаньмо выудил из кармана стоюаневую купюру и швырнул мне в лицо.

В этот момент я поклялся, что убью его. Если тебе кто-то бесконечно дорог, то и раны, которые он наносит, будут самыми глубокими.

Я, не колеблясь, взял деньги и порвал их пополам, а затем запихнул обе части в пустой стакан.

А Ка, с видом человека, наблюдающего за отличным шоу, пододвинул стакан Цзан Гуаньмо.

Вокруг воцарилась тишина.

— В Цзяо Яна вселился демон, — Линь И открыл рот буквой «О», глядя на меня с благоговейным ужасом.

Я был бесстрастен, но про себя думал: все время казалось, что Цзан Гуаньмо прикидывается дурачком, но теперь я уверен — он реальный идиот. Иначе с чего бы ему доставать сто юаней, когда можно было дать десятку?

Разорвал сто юаней, вот же грех, сердце кровью обливается. Мао Цзэдун мне этого не простит.

— Демон вселился, точно демон...

Линь И все продолжал что-то бормотать, пока Фэн Суй не щелкнул его по лбу:

— Прекрати нагнетать... Цзан Гуаньмо, оставь Цзяо Яна в покое, с ним все равно А Ка беседует. Иди сюда, продолжим игру.

Цзан Гуаньмо снова посмотрел на меня тяжелым взглядом, будто я был чужим человеком. У меня внутри словно нож провернули. Он больше не проронил ни слова, развернулся, дернул плечом, вернулся на место, вытащил из рук Фэн Суя карту и с холодной усмешкой бросил ее на стол.

Пиковый туз.

Карта убийцы.

Все в недоумении уставились на него. Цзинь Ли, который был судьей, ошарашенно заикаясь, пробормотал:

— Ну... это... темнота... еще не наступила... а убийца... так рано объявился... это... это...

А Ка чуть не рассмеялся, наклонился ко мне и прошептал: «Это тот самый «темный тип», которого ты ругал? Да он же просто ребенок».

Цзан Гуаньмо отодвинул стул, его вид был полон апатии и какой-то ярости:

— Скучно. Того, кого я больше всего хочу убить, здесь нет, — он покосился на меня, — все, игра окончена.

Сказав это, он потянул Майю за собой: «Идем танцевать?»

Девчонка только кивнула, но желтоволосый, что сидел рядом, взбеленился — его похоть была видна невооруженным глазом: «Эй, парень, ты кто такой? Смеешь уводить мою девчонку?»

Майя так испугалась, что и слов подобрать не могла: «Да какая ты мне... да что ты мелешь! Кто твоя девчонка? Стыд потерял!»

Цзан Гуаньмо от неожиданности пошатнулся, когда желтоволосый толкнул его, но он не стал суетиться, лишь медленно выпрямился, неспешно оглядел компанию и с усмешкой искривил губы.

А Ка тяжело вздохнул:

— Кучка идиотов. Разозлили паренька Цзана.

Желтоволосый не увидел ответа, вошел в раж, принялся материться и строить из себя главаря банды, нагло приобнимая Майю за талию. Маленькая девочка покраснела до слез.

Цзан Гуаньмо потянулся и сказал Фэн Сую:

— Уводи их отсюда.

Фэн Суй нахмурился, раздумывая.

Цзан Гуаньмо добавил:

— Идите. Я не хочу марать руки, а если все останутся, то от слов до дела — один шаг, и мы только наживем проблем. Если Секси узнает, нам всем крышка, никто не уйдет.

Фэн Суй дернул уголком губ:

— Ладно. Устрою их и вернусь.

— Не нужно, — покачал головой Цзан Гуаньмо, — ты обязательно заведи Цзяо Яна.

— Хорошо, — Фэн Суй, спокойный как скала, кивнул и стал поднимать нас одного за другим.

Я оказался самым послушным, первым выскочил за дверь. Я не собирался лезть в это дерьмо, благоразумие превыше всего. Цзан Гуаньмо не боится неприятностей, а я человек тонкой душевной организации, не стоит ради него растрачивать свою внутреннюю силу. Поймал такси, подождал, пока они вчетвером неторопливо вышли. Линь И с Линь Эром что-то бормотали, пытаюсь доказать, что должны остаться помочь. Фэн Суй лишь низко рыкнул, и их пыл сразу угас.

— Быстрее! Машина заказана, в пятером втиснемся! — я уперся в дверцу, пропуская Фэн Суя вперед, дождался, пока все рассядутся, с силой захлопнул дверь и крикнул водителю: — Шеф, поехали, адрес тот же!

Машина скрылась в пыли.

Я развернулся и, тяжело вздыхая, толкнул дверь Ладжорса.

Ну и дурак же ты, Цзяо Ян, ну и дурак. Не иначе, сам пришел подставить морду под удар.

Задний переулок.

Как я и говорил, этот переулок ничем не отличается от тех, что показывают в фильмах про мафию. Я принял глубокомысленную позу — ну вылитый Сяо Ма-гэ из «Светлого будущего», все взгляды прикованы ко мне.

Цзан Гуаньмо, конечно, был в числе зрителей. Пораженный моим видом, он подошел и вlepил мне крепкий подзатыльник:

— Туалет не нашел? Иди играй в другом месте.

Я вообще его проигнорировал, встал в стандартную позу тхэквондо, которой научился по телевизору. «У-у-сь! Ну что, сколько вас против меня одного? Нападайте!»

У всех на лицах выступило черное пятно от такого позора. Цзан Гуаньмо подошел вплотную и заорал, чуть не проглотив меня:

— Ты, мать твою, пришел помочь или проблем добавить?!

— Да пошел ты! Каких еще проблем?!

Факты говорят громче слов.

Банда желтоволосого вообще не собиралась драться. Они увидели самоуверенную позу Цзан Гуаньмо и призадумались: вдруг нарвались на какого-нибудь маньяка или сынка чиновника? Хотели напоследок кинуть пару угроз, чтобы уйти с достоинством.

Но угрозы еще не успели прозвучать, как явился я. Шпана увидела, что у врага появилось подкрепление, а вдруг за дверью еще кто-то есть? Это только укрепило их миролюбие. Они напоследок прокричали: «Эй, парень, ты увел девчонку ради танцев? Ну так давай сходимся в честном бою, если смелый!»

Цзан Гуаньмо лишь пренебрежительно скривил губы. А у меня в глазах засверкали искры: «Ха, смерть сама пришла в гости к мяснику!» Я выпятил грудь, выглядел, наверное, как последний придурак, напрашивающийся на оплеуху.

— Как будем драться? Предлагайте условия.

Противник, увидев такой настрой, понял, что нарвался на профессионала. Пять голов сгруппировались вместе, о чем-то пошептались, а потом, как последние трусы, бросив пару фраз вроде «мы еще встретимся», потянулись к выходу и сбежали.

Я сплюнул. Черт, ну и мерзость.

<http://bllate.org/book/21141/2144111>